

К счастью, прежний хозяин тела и так слыл своевольным, и его исчезновение на несколько дней никого особенно не удивляло. Поэтому, когда Сюй Яньцинъ провёл подряд несколько дней в загородном поместье, из резиденции Уаньского маркиза никто не явился, чтобы призвать его обратно. Лишь старший брат, наследник титула, прислал немного свежих продуктов.

Через несколько дней отдыха Сюй Яньцинъ, наконец, достаточно окреп, чтобы свободно передвигаться. И лишь тогда понял, что в ту ночь забрёл не во двор, куда следовало.

Двор Уаньского маркиза и соседний разделяла всего лишь стена с запертой дверью. Кто бы мог подумать, как прежний хозяин сумел её открыть и угодить на чужую территорию?

Впрочем, сейчас Сюй Яньцинъ не хотелось размышлять о таких пустяках. В прежней жизни он был первым по итогам провинциальных экзаменов, но внезапно скончался из-за бессонных ночей, проведённых за учёбой. В этой жизни он хотел быть беззаботной солёной рыбиной, плывущей по течению.

Тем более, с его нынешним положением никто и не подумает гнать его на государственные экзамены. Для его престарелого отца, Уаньского маркиза, уже сама мысль о том, что законный второй сын просто будет вести себя смиренно и не натворит бед, была настоящим поводом для радости.

Резиденции Уаньского маркиза и без того хватало проблем, чтобы туда ещё впридачу затесался распущенный повеса.

Размышляя об этом, Сюй Яньцинъ ощутил лёгкую вину перед прежним владельцем тела. Всё-таки тот оставил ему столь «прекрасную» личность. Интересно, не решит ли тот вдруг вернуться и вытеснить его изнутри?

Сюй Яньцинъ бессмысленно перекатился на кровати, закрыл глаза, решив, что все эти мысли — пустая трата времени. Лучше уж хорошенько выспаться. В прежней жизни отличнику вроде него редко выпадала роскошь спать и есть, когда вздумается.

Снаружи в дверь постучал Му Юй. Сюй Яньцинъ с головой укутался в одеяло, полностью игнорируя зов снаружи.

— Молодой господин, молодой господин, ваш двоюродный брат пришёл навестить вас! — Му Юй ещё не знал, что молодой господин Су строит козни против его хозяина. Он по-прежнему считал, что тот всё ещё тоскует по кузену.

— Кузен? — В памяти Сюй Яньцинъ тут же всплыл образ того утончённого, элегантного юноши. А следом — воспоминание о том, как прежний владелец тела с треском провалил собственную интригу, и всё обернулось против него самого. Он просто закрыл глаза и лениво бросил в сторону двери:

— Не хочу его видеть. Скажи, что мне нездоровится.

С этими словами он снова перевернулся на бок и попытался уснуть. Они и так уже стояли на грани открытого противостояния — «Ты строил козни против меня, я — против тебя. Разве не в расчёте?»

Му Юй неловко посмотрел на стоявшего рядом Су Ханьфэна. Он-то думал, что молодой господин будет счастлив визиту кузена, вот и привёл его напрямик к нему в комнату. Он никак

не ожидал, что хозяин отреагирует таким образом.

В глазах Су Ханьфэна промелькнула тень раздражения, но он тут же скрыл её, не изменившись в лице. Напротив, он мягко заговорил к плотно закрытой двери:

— Яньцинъ, что у тебя болит? Хочешь, я позову доктора?

С этим бесконечным лепетом как тут уснёшь? Сердясь на утреннюю невыспанность, Сюй Яньцинъ раздражённо сбросил одеяло, подогнул ноги и сел на кровати. Его тёмные глаза сверкнули, губы изогнулись в лёгкой улыбке, и весь он стал похож на изящного, красивого молодого оленёнка.

— Му Юй, раз уж мой кузен так обо мне заботится, чего же ты медлишь? Открой дверь,пусти его.

Глаза Сюй Яньцинъ лукаво блестели. Он неспешно взял одежду, которую Му Юй с вечера повесил на вешалку, и начал одеваться.

Су Ханьфэн открыл дверь и вошёл, как раз вовремя, чтобы увидеть Сюй Яньцинъ — тот, всклокоченный, в расстёгнутой одежде, лениво сидел у стола, собирая волосы в хвост. Он и раньше знал, что у Сюй Яньцинъ редкая, изысканная внешность, затмевающая даже знатных девушек столицы. Но увидев его сейчас, внезапно, без подготовки, он на миг остолбенел.

Сюй Яньцинъ, следуя воспоминаниям прежнего владельца тела, перед зеркалом собрал в хвост волосы, упавшие на плечи. Правда, делал он это не слишком умело, и потому гребень на голове сидел немного криво. Но именно эта лёгкая небрежность придавала ему особое, ленивое очарование.

— Не припомню, чтобы ты когда-нибудь носил деревянные шпильки, — пришёл в себя Су Ханьфэн и тут же устался на деревянную шпильку у него в волосах, явно пытаясь сменить тему.

Сюй Яньцинъ, подперев щёку, небрежно облокотился на письменный стол и лениво вертел пальцы. Услышав слова Су Ханьфэна, тихо усмехнулся:

— Эту шпильку мне подарил один очень занятный человек. Я сначала подумал, что она ничего не стоит, но ведь он от чистого сердца, вот я и принял.

Юный господин, которому едва миновало десять с небольшим, с алыми губами и белоснежными зубами, с лёгкой улыбкой на губах выглядел так обаятельно и свежо, что даже в его наивности сквозила некая светлая прелесть.

Увидев это, раздражение Су Ханьфэна немного улеглось. Он сел напротив, но, словно вспомнив о чём-то, снова посмотрел на шпильку, в его взгляде смешались брезгливость и осторожность:

— Если Яньцинъ так любит деревянные шпильки, брат как-нибудь найдёт тебе получше, — его слова звучали с нескрываемым пренебрежением к дарителю.

Сюй Яньцинъ посмотрел на это лицемерное выражение, почти вызывавшее раздражение, и вдруг — сам того не ожидая — вспомнил мужчину, с которым делил одну постель той ночью.

Нужно признать: помимо возраста, в том человеке не было ничего, что бы ему не нравилось. А уж его воздушное, небесной красоты лицо особенно тронуло сердце Сюй Яньцинъ. Ведь

красота — это не только женская прелесть. Та строгая, отрешённая и благородная красота даосского наставника была по-настоящему завораживающей.

— Кузен, ты шутник, — думая об этом, Сюй Яньцинь искренне улыбнулся, его нежное, светлое лицо словно засияло: — Просто эта шпилька особенно мне по сердцу.

Брови Су Ханьфэна дёрнулись. Ему показалось, что в словах Сюй Яньциня кроется какой-то скрытый намёк. Он поднял взгляд и спросил:

— Яньцинь, ты сердисься на брата? Сегодня ты какой-то... отстранённый.

Сюй Яньцинь моргнул, его глаза, как налитые виноградом, смотрели с недоумением:

— Почему ты так думаешь?

Но перед ним сидел невинный, чистый молодой господин — и Су Ханьфэн никак не мог сказать: «Раньше ты за мной бегал, а теперь вдруг ведёшь себя как человек». Он буквально задыхался от досады, но смог лишь мягко сказать:

— Ничего, просто показалось, будто ты сегодня немного подавлен.

Он зевнул, в глазах от недосыпа выступили слёзы. Продолжать вежливую беседу с Су Ханьфэном не было ни малейшего желания, и Сюй Яньцинь сказал прямо:

— Просто вчера плохо спал. Если бы не визит кузена, я бы сейчас снова спал.

Это уже было практически прямым указанием: ты мешаешь мне спать, непрошенный гость. Привыкший к прежней раболепной привязанности Сюй Яньциня, Су Ханьфэн впервые столкнулся с таким холодным приёмом. Ему было тяжело сохранить лицо:

— Прости, Яньцинь, что побеспокоил. Отдыхай. В другой раз навестит тебя брат.

— Конечно! — Глаза Сюй Яньциня изогнулись в радостной улыбке, едва заведев, что гость наконец собирается уйти. И, словно вспомнив о чём-то, добавил, пока Су Ханьфэн вставал:

— Кузен, прошу впредь не называй себя «твоим братом» при мне. Ты ведь знаешь, какой у моего старшего брата характер. Если он услышит, то не только мне, но и тебе мало не покажется.

Су Ханьфэн, разумеется, знал, насколько Сюй Сянчжи опекал своего младшего брата. Раньше, стоило ему назвать себя «братом» Сюй Яньциня в его присутствии, как Сюй Сянчжи тут же хмурился и начинал цепляться к словам. Но тогда сам Сюй Яньцинь никогда ничего по этому поводу не говорил.

Су Ханьфэн крепко сжал кулаки, но на лице его по-прежнему оставалась заботливая, ласковая улыбка:

— Хорошо. Раз Яньциню так угодно — я слушаюсь, — голос его был до предела мягким, словно в нём и впрямь не осталось ни капли обиды.

Когда Су Ханьфэн ушёл, Сюй Яньцинь вальяжно развалился на лежаке и расхохотался от души.

Как же они, эти лицемеры, заботятся о фасаде.

— Чего вы смеётесь, молодой господин? — спросил Му Юй. Своё имя он оправдывал в полной мере — деревянный снаружи, деревянный внутри¹.

Сюй Яньцинль лениво покачивался на лежаке, потом, будто что-то вспомнив, глянул на Му Юя:

— Му Юй, а кто-нибудь ещё знает, что я в ту ночь забрёл в чужой двор?

Су Ханьфэн был притворщик с волчьим сердцем. Потерпев от него тайное поражение, он наверняка теперь начнёт копать, выяснять, что случилось после того, как он выпил ту чашку чая, а потом снова припрётся — с видом заботливого родственника, мягко давить, увещевать, заманивать в ловушку.

Стоило Сюй Яньциню упомянуть ту ночь, как Му Юй тут же занервничал. Он поспешно замотал головой, потом неуверенно спросил:

— Молодой господин, вы думаете, молодой господин Су подозревает, что вы уже...?

— А мне какое дело до его подозрений? — Сюй Яньцинль поднял руку и щёлкнул Му Юя по лбу.

— А ты не хочешь угадать, почему в итоге я сам и выпил ту чашку, которую собирался подсыпать ему?

Му Юй, хоть и был простоват, но не до полной тупости. В столице иногда достаточно одного слуха, чтобы родилась целая интрига. Он задумался, прищурился и догадался, к чему клонит его господин:

— То есть... молодой господин Су уже знал, что в чае есть подсыпка, и нарочно подменил чашку, чтобы вы выпили её сами?

— Не такой уж ты и тупица, — насмешливо фыркнул Сюй Яньцинль. Хотя, по правде говоря, в этом деле Су Ханьфэн и не был виноват. Просто прежний Сюй Яньцинль оказался чересчур самоуверенным, хотел перехитрить другого — и в результате сам попался.

Му Юй потёр лоб, потом с сомнением спросил:

— Но если молодой господин Су и вправду вас не любит, зачем тогда он сегодня так заботливо к вам пришёл, говорил с такой теплотой, ни одного грубого слова?

— Деньги могут заставить работать даже духов, — лениво ответил Сюй Яньцинль, продолжая покачиваться в лежаке. — Древние были правы.

Му Юй пробормотал что-то себе под нос. Его молодой господин, происходя из знатного рода, никогда в деньгах не нуждался. А вот с Су Ханьфэном дело обстояло иначе.

Тот родом из бедной семьи и жил на всём готовом лишь потому, что пользовался покровительством маркиза Уаня. К тому же, именно потому что молодой господин благоволил к нему, Су Ханьфэн и мог сопровождать его на всякие светские приёмы среди знати.

Значит, его господин — это и есть те самые «деньги и власть», к которым стремился Су Ханьфэн. Но в сердце у того давно уже был кто-то другой, и, естественно, он не хотел быть с Сюй Яньцинем. Потому и отвергал решительно, а с виду всё так же мягко заговаривал, не давая ни подойти, ни уйти.

Му Юй от собственных мыслей чуть не лопнул от ярости. Он уже хотел было пожаловаться на

всё маркизу, но, подняв голову, увидел, что его господин уже мирно заснул.

Вся злость Му Юя осталась где-то в груди, так и не найдя выхода. Он чуть не прослезился от обиды: если бы Су Ханьфэн тогда не подменил чашку... молодой господин не пострадал бы той ночью.

...

А в эти дни как раз цвела весна, и во дворе царила по-настоящему живописная картина. Ин Янцзюнь велел вынести письменный стол прямо на улицу. Порыв ветра принёс с собой лепестки персиковых цветов, и они осыпались на стол.

Ин Янцзюнь держал кисть, с сосредоточенным лицом выписывая строки священного текста. Один лепесток, подхваченный ветром, опустился прямо под кончик кисти. Его ресницы слегка дрогнули — и капля туши с кисти упала на розово-белый лепесток.

¹ Прим. перев.: в оригинале имя Му Юй (木柚) дословно может читаться как «дерево» (木) и «глупец» (柚), отсюда шутка Сюй Яньциня, обыгрывающая имя слуги.

<http://bllate.org/book/12638/1120914>